

Орфография ПсФ, с одной стороны, как будто свидетельствует о том, что традиции церковно-славянского письма сохраняются: используются буквы ζ , ω , κ , ϵ , λ , ξ , ψ , ν и $\dot{\imath}$, $\dot{\text{ъ}}$ и $\dot{\text{ѣ}}$; сохраняется *жд* (*виждь*, *насажденное*). Но уже наряду с *жд* видим и русское *ж* (*чюжим*, *утвержаеши*). Типично употребление как полногласных, так и неполногласных форм, в том числе стилистически безразличное варьирование пар: *молодова* — *мла дости*, *отворотилося* — *отвратил*. Этимологически правильное употребление юса малого наблюдается лишь в некоторых словах (например, *азык*).

Близость к разговорной речи чувствуется: 1) в характерной огласовке прилагательных м. р. на -ой: *ѡбыклой*, *словенской* лл. 1, 7; 2) в род. падеже прилагательных м. р. на -ова: *молодова* 68, 32; 3) сравнительной степени прилагательных на -и: *болши* 107, 5, *мяхчайши* глосса к 54, 22; 4) в частотности употребления таких «разговорных» приставок, как *при* и *с*.

Желание переводчика следовать «обыкловому» языку, а не правилам славянской грамматики особенно ярко сказалось в ломке древней видо-временной системы глагольных форм — аориста, имперфекта, плюсквамперфекта. Как и в живом русском языке того времени, старые формы спряжения почти полностью вытеснены у Фирсова современной ему формой прошедшего времени с суффиксом -л. Переводчик смело варьирует глагольные времена, в ряде случаев меняя смысл стиха, с той целью, чтобы стало «лучше в разуме»: *буду возвышен, буду и понижен и немощен* вм. *вознесъ же сѧ смирихсѧ и изнемогохъ* (87, 16)⁴.

Лексическая система ПсФ, как это было отмечено частично еще А. В. Горским и К. И. Невоструевым, характеризуется принципиальной модернизацией, понимаемой прежде всего как последовательное преодоление старославянской лексики. Главным приемом для этого служит усиление элементов просторечия: *кобылки* вм. *прузи* (104, 33), *борозды* вм. *бразды* (64, 11), *поколзнулись* вм. *подвижастѣсѧ* (72, 2), *по своему хотенію* вм. *в начинаніихъ* (80, 13), *глупой* вм. *безумень* (13, 1), *почто* вм. *въскую* (41, 7), *ворам потакать* (глосса к 81, 1). В большинстве своем отмеченные лексемы зафиксированы у Даля. Другим приемом является обращение к древнерусской лексике, стилистически противопоставляемой традиционным старославянизмам: *верви* вм. *оужа* (15, 6), *гробъ* вм. *адъ* (9, 10; 30, 18), *правда* вм. *истина* (87, 13) и др.

Борьба с архаизмами принимает иногда наивные формы неприятия тех или иных этимологических гнезд, например группы лексем со старославянским корнем *благ*, заменяемых более или менее регулярно лексемами с корнем *добр*. Фирсов доходит при этом до изобретения неологизма *добрословлю* вм. *благословлю* (15, 7; 127, 4; 17, 1, 2; глосса к 102, 1; глосса к 36, 21) или меняет *благовестих* на *пропедах*, забыв даже, как это ни странно для него, изменить устарелое имперфектное окончание. Сюда же: *добро сотворить* вм. *благоволити* (76, 8), *добрый* вм. *блажен* (глосса к 1, 1). Для выявления традиции, которой мог следовать в данном случае Фирсов, небезынтересно отметить, что в «Лексиконе» Берынды «благословляю» расшифровывается как «добре молвлю», «добре кажу» [20, с. 9].

Тем же стремлением к вытеснению старославянских элементов лексики можно, видимо, объяснить активное использование страдательных причастий на -т на месте соответствующих славянских форм на -н: *убитые* вм. *ѡзвеніи*, *отринуты* вм. *Ѡриновени* (там же), *забытой* вм. *забвеннѣи* (87, 13).

Ключевой особенностью лексической системы ПсФ, выделяющей эту рукопись из всего ряда русских библейских переводов XVI—XVII вв., является насыщенность текста лексикой польского и западно-русского происхождения. Мы имеем в виду многочисленные существительные

⁴ Церковно-славянские параллели цитируем по изданию Псалтири 1681 г. (М.: Печатный двор).